

Вампирские ХРОНИКИ

Интервью с вампиром

Вампир Лестат

Царица Проклятых

История похитителя тел

Мемнох-дьявол

Вампир Арман

Меррик

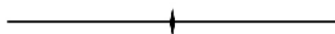
Кровь и золото

Черная камея

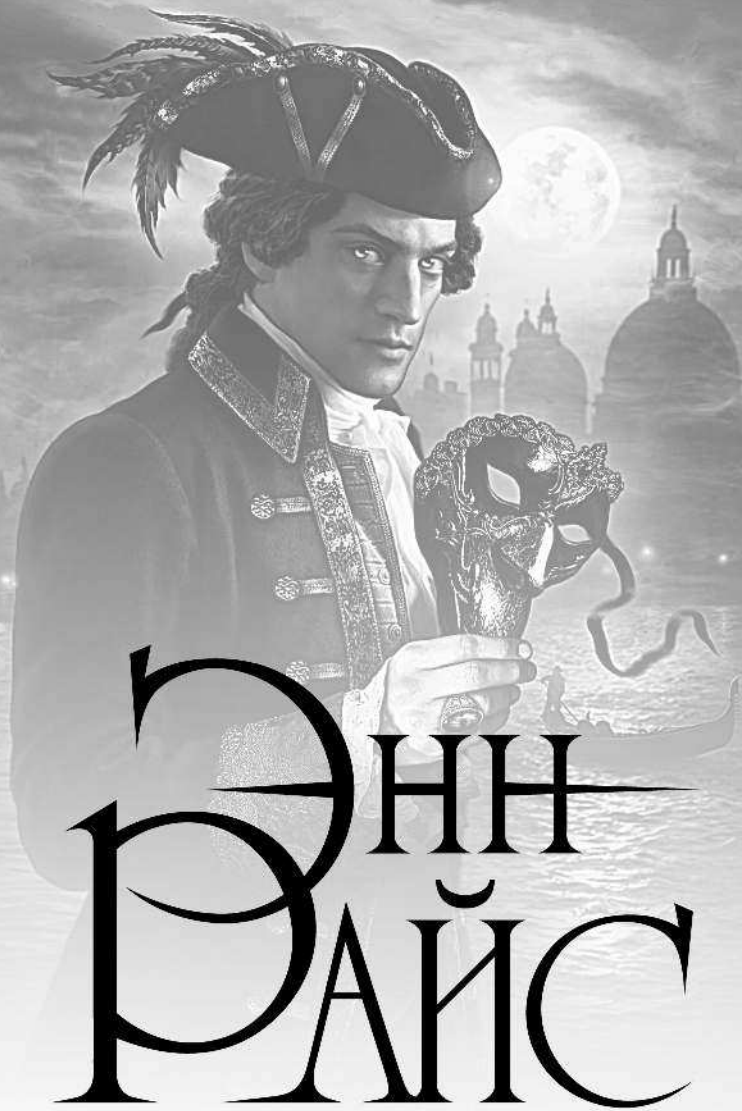
Кровавый гимн

Принц Лестат

ANNE RICE



The Vampire Armand



ДЕН РАЙС

Вампир Арман



Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
P18

Anne Rice
THE VAMPIRE ARMAND

Copyright © 1998 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis Rice,
Jr. Testamentary Trust

При оформлении обложки
использована работа художника *В. Нартова*

Райс, Энн.
P18 Вампир Арман / Энн Райс ; [пер. с англ. Е. А. Ильиной]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Новые вам-
пирские хроники).

ISBN 978-5-699-99187-7

Один из самых загадочных героев «Вампирских хроник» при-
открывает завесу тайны над своей без малого пятивековой жиз-
нью и рассказывает историю превращения талантливого маль-
чика-иконописца из Киево-Печерской лавры в могущественного
вампира Армана...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-99187-7

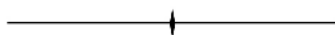
© Е. Ильина, перевод
на русский язык, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Бранди Эдвардсу,
Брайану Робертсону,
а также
Кристоферу и Мишель Райс*

Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему.

Евангелие от Иоанна. 20:17

ЧАСТЬ 1



ПЛОТЬ И КРОВЬ

Глава 1

Говорили, что на чердаке умер ребенок. Его одежду нашли в стене.

Мне хотелось подняться туда, лечь у стены и остаться одному.

Иногда здесь встречаются привидение — призрак ребенка. Но никто из вампиров, как правило, призраков видеть не умеет, во всяком случае, так, как я. Не важно. Ребенок меня не интересовал. Я не искал общества ребенка. Мне просто хотелось побыть там.

Оставаться и дальше рядом с Лестатом бесполезно. Я пришел. Я выполнил свой долг. Я ничем не мог ему помочь.

Взгляд его пронзительных, сосредоточенных, застывших глаз заставлял меня нервничать, лишал присутствия духа, хотя в глубине души я оставался спокойным, меня переполняла любовь к близким — к моим смертным детям, темноволосому Бенджи и нежной, гибкой Сибил, но у меня пока не хватало сил их забрать.

Я ушел из часовни.

Я даже не обратил внимания на остальных. Весь монастырь превратился в обитель вампиров. Не то чтобы он казался диким или заброшенным, но я не заметил, кто оставался в часовне, когда я уходил.

Лестат по-прежнему лежал на мраморном полу часовни перед огромным распятием. Поза его оставалась неизменной: на боку, с расслабленными руками, левая ладонь накрывает правую, и пальцы ее при этом слегка касаются пола — как будто намеренно, хотя ни о каких намерениях и речи быть не могло. Пальцы правой руки изогнулись, образовав впадинку в ладони

Энн Райс

там, куда падал свет, что тоже казалось осмысленным жестом, хотя никакого смысла здесь не было.

В течение многих месяцев Лестат пребывал без движения, превратившись в безвольное сверхъестественное тело, однако выражение его лица было почти вызывающе разумным.

Перед рассветом высокие витражи надлежащим образом зашторивали, а по ночам в них играли отблески чудесных свечей, расставленных между изящными статуями и реликвиями, наполнявшими этот когда-то освященный дом, где под высокими сводами дети слушали мессу.

Теперь оно принадлежало нам. Ему — Лестату, мужчине, лежавшему без движения на мраморном полу.

Мужчине. Вампиру. Бессмертному. Сыну Тьмы. Любое из этих слов отлично ему подходит.

Оглянувшись на него через плечо, я, как никогда, почувствовал себя ребенком. Такой я и есть. Я вписываюсь в это определение, как будто оно во мне закодировано, как будто это единственно возможная для меня генетическая схема.

Когда Мариус сделал меня вампиром, мне было, наверное, лет семнадцать. К тому моменту рост мой составлял пять футов шесть дюймов и весь последний год оставался неизменным. У меня были изящные, как у женщины, руки и по-детски чистое лицо — я, как мы выражались в то время, в шестнадцатом веке, был безбородым. Не евнухом, нет, конечно нет, отнюдь, но совсем еще мальчиком.

В те времена красота юношей ценилась в не меньшей степени, чем прелесть женщин. Только теперь мне кажется, что в этом есть какой-то смысл, и то потому, что я люблю своих собственных детей: по-девичьи длинноногую Сибил с грудью женщины и Бенджи с круглым напряженным арабским личиком.

Я остановился у подножия лестницы. Никаких зеркал — лишь потемневшие от сырости высокие кирпичные стены с ободранной штукатуркой; только в Америке такие здания могут называть старинными. Знойное новоорлеанское лето и сырая, промозглая зима — зеленая зима, как я ее называю, потому что листья с деревьев здесь практически не опадают, — наложили на все свой отпечаток.

Вампир Арман

По сравнению с обычным для этого города климатом в стране, где я родился, царила, можно сказать, вечная зима. Неудивительно, что в солнечной Италии я совершенно забыл о своих истоках и с легкостью принял тот образ жизни, которому следовали в доме Мариуса. «Я не помню» — эта формула стала своего рода заклинанием. Только при этом условии можно было так полюбить порок, так пристраститься к итальянскому вину, обильным трапезам и даже к ощущению теплого мрамора под босыми ногами, когда комнаты палатцо Мариуса самым грешным, безнравственным образом отапливались бесчисленными каминами.

Его смертные друзья — когда-то и я принадлежал к их числу — без конца бранили его за расточительство: за излишние траты на дрова, масло, свечи. А Мариус признавал только самые изысканные свечи, из пчелиного воска. Для него имел значение каждый аромат.

«Прекрати думать об этом, — уговаривал я себя. — Отныне воспоминания не должны тебя ранить. Ты пришел сюда ради дела. Теперь с ним покончено, пора найти тех, кого ты любишь, — юных смертных, Бенджи и Сибил, — и жить дальше».

Жизнь уже не театральная сцена, где вновь и вновь появляется и со зловецим видом сидит за столом призрак Банко.

Душа у меня болела.

Пора подняться наверх. Отдохнуть немного возле кирпичной стены, где нашли детскую одежду. Лечь рядом с ребенком, убитым в монастыре, как утверждают сплетники-вампиры, новые призрачные обитатели этих залов, пришедшие посмотреть, как спит сном Эндимиона великий Вампир Лестат.

Я не ощущал запаха убийства — слышал лишь нежные голоса монахинь.

Я поднялся по лестнице человеческим шагом. За пятьсот лет я научился этому в совершенстве. Равно как и умению пугать молодежь — как постоянных обитателей этого дома, так и случайных посетителей — не хуже любого из Старейших. Даже самые скромные из них не упускают случая продемонстрировать свой дар телепатии или способность мгновенно исчезать, словно растворяясь в воздухе, а то и слегка сотрясти стены в

Энн Райс

восемнадцать дюймов толщиной с нетленными кипарисовыми подоконниками.

Ему должны понравиться эти запахи, подумал я. Мариус... Где он? Прежде чем поговорить с ним, я предпочел навестить Лестата, а потому мы успели обменяться лишь несколькими вежливыми словами, когда я оставлял на его попечение свои сокровища.

Ведь я привел в логово бессмертных своих детей, ибо кто способен защитить их лучше, чем мой любимый Мариус, — такой могущественный, что никто здесь не посмеет перечить ему.

Естественно, между нами нет телепатической связи, ведь Мариус — мой создатель. Но не успел я подумать об этом, как осознал, что не ощущаю ни малейшего свидетельства его присутствия в здании. Откуда мне знать, что происходило в тот короткий промежуток времени, пока я стоял на коленях перед Лестатом. Я понятия не имел, где сейчас мог быть Мариус. Я не чувствовал знакомых человеческих запахов Бенджи и Сибил. Меня парализовал ужас.

Я остановился на втором этаже и прислонился к стене, с показным спокойствием разглядывая лакированные сосновые половицы. На паркете образовались желтые островки света.

Где же Бенджи и Сибил? Что я наделал?! Зачем привел сюда двух очаровательных смертных — Бенджи, живого, подвижного мальчика двенадцати лет, и двадцатипятилетнюю Сибил?! А вдруг Мариус, столь благородный по своей натуре, выпустил их из виду?

— Я здесь, дитя. — Как обрадовал меня этот раздавшийся совсем рядом отчетливый, тихий и доброжелательный голос! Прямо подо мной в пролете лестницы я увидел своего создателя. Он следовал за мной вверх по лестнице или, скорее, оказался там с помощью своей силы и скорости, безмолвно и незаметно преодолев разделявшее нас расстояние.

— Мастер, — сказал я со слабой улыбкой, словно извиняясь. — В какой-то момент я за них испугался. Мне здесь грустно. Он кивнул.

Вампир Арман

— Они со мной, Арман, — сказал он. — Этот город кишит смертными. Сколько бы здесь ни бродило скитальцев, пищи хватит на всех. Их никто не обидит. Даже если бы меня здесь не было, никто не осмелился бы.

Наступила моя очередь кивать. Но я не разделял его уверенности. Вампиры по природе своей капризны и часто совершают ужасные, жестокие поступки просто так, ради собственного удовольствия. Какой-нибудь заезжий мрачный чужак, привлеченный необычными событиями, вполне может развлечься, убив чужую смертную зверюшку.

— Ты просто чудо, дитя мое, — улыбнулся Мастер. Дитя! Кто, кроме Мариуса, моего создателя, мог бы так меня назвать! Но что для него пятьсот лет? — Ты ушел на солнце, сын мой, — продолжал он с озабоченным выражением на добром лице. — И выжил, чтобы рассказать свою повесть.

— На солнце, господин? — переспросил я. Однако мне не хотелось что-либо рассказывать. Еще не пришло время описывать, что произошло на самом деле, обсуждать легенду о Плате Вероники и запечатленном на нем во всем величии славы лике нашего Господа, равно как и события того утра, когда я с готовностью отказался от своей души. Какой чудесный миф был создан из этой истории!

Он поднялся по ступенькам и опустился рядом со мной, соблюдая, однако, вежливую дистанцию. Он всегда был джентльменом, даже когда этого слова еще не существовало. В древнем Риме наверняка было слово, обозначающее таких людей, — неизменно хорошо воспитанных, считавших делом чести оказывать внимание другим, одинаково любезных как с бедными, так и с богатыми. Таков уж Мариус, и, насколько я знаю, он таким был всегда.

Он положил свою белоснежную руку на невзрачные атласно-гладкие перила. На нем был длинный бесформенный плащ из серого бархата, когда-то чрезвычайно экстравагантный, теперь же поблекший от времени. Светлые, длинные, как у Лестата, волосы, взъерошенные от сырости, даже усеянные каплями росы с улицы, той же росы, что осталась на его золотых

бровях и заставила потемнеть длинные ресницы вокруг больших кобальтово-синих глаз, поблескивали на свету.

В нем присутствовало что-то нордическое, холодное, в отличие от Лестата, чьи волосы всегда отливали золотом и сияли ярким светом, а призматические глаза поглощали все краски, приобретая еще более великолепный фиолетовый оттенок при малейшем проявлении внимания боготворящего его внешнего мира.

В Мариусе же я видел солнечное небо диких северных земель, его глаза излучали ровный свет, отвергая любой цвет со стороны, оставаясь идеальными зеркалами его неизменной, в высшей степени благородной души.

— Арман, — сказал он, — я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Куда, Мастер? — спросил я. Мне тоже хотелось быть с ним предельно вежливым. Невзирая на любые столкновения, он всегда пробуждал во мне возвышенные устремления.

— Ко мне домой, Арман, туда, где они сейчас находятся, Сибил и Бенджи. Нет, не бойся за них. С ними Пандора. Это поразительные смертные, блистательные, на удивление разные и одновременно в чем-то похожие. Они тебя любят, они так много знают и уже успели пройти с тобой долгий путь.

Мне в лицо бросилась горячая кровь; ощущение теплоты было колючим и неприятным, а когда кровь отлила от кожи, стало прохладнее, и меня странным образом раздражал тот факт, что я вообще испытываю какие-то ощущения.

Меня потрясло пребывание в монастыре, я стремился поскорее его покинуть.

— Мой господин, я не знаю, кем я стал в новой жизни, — с благодарностью откликнулся я. — Переродился? Запутался? — Я заколебался, но что толку останавливаться? — Пока что не проси меня остаться. Может быть, позже, когда Лестат придет в себя, когда пройдет достаточно времени, может быть... Я точно не знаю, но сейчас принять твое любезное приглашение я не могу.

Он коротко кивнул в знак согласия и сделал рукой жест, означающий уступку. Старый серый плащ соскользнул с плеча, но он, казалось, даже не обратил на это внимания. Его тонкие

Вампир Арман

шерстяные одежды пришли в небрежение, на отворотах и карманах лежал слой серой пыли. Подобное отношение к собственной внешности было ему совершенно не свойственно.

Горло его прикрывала полоса ослепительно-белой ткани, благодаря чему бледное лицо выглядело почти человеческим. Но шелк порвался, как будто он продирался в нем через заросли ежевики. Короче говоря, эта одежда больше подходила для привидения, чем для того, кто привык появляться в свете. Она стоила бы для неудачника-бродяги, но не для моего старого Мастера.

Наверное, он знал, что я зашел в тупик. Я смотрел вверх, во мрак. Мне хотелось попасть на чердак, к спрятанной там одежде мертвого ребенка. Меня заинтересовала эта история. У меня хватило наглости размечтаться, хотя он все еще ждал. Его ласковые слова вернули меня к реальности.

— Когда тебе понадобятся Сибил и Бенджи, ты найдешь их у меня, — сказал он. — Это недалеко. Когда захочешь, ты услышишь «Аппассионату».

Он улыбнулся.

— Ты дал ей пианино. — Речь шла о золотоволосой Сибил. Я повесил завесу между миром и моим сверхъестественным слухом и пока что не хотел ее поднимать — даже ради восхиительных звуков ее музыки, по которым я уже очень скучал.

Как только мы вошли в монастырь, Сибил заметила пианино и шепотом спросила меня, можно ли ей поиграть. Оно стояло не в часовне, где лежал Лестат, а подальше, в другом помещении, длинном, пустом. Я ответил ей, что это не вполне прилично, что это может помешать Лестату. Мы же не знаем, что он думает, что чувствует, — быть может, ему плохо, быть может, он попал в ловушку собственных снов.

— Возможно, когда ты придешь, ты ненадолго останешься, — сказал Мариус. — Тебе понравится, как она играет на моем пианино. А потом мы поговорим, ты сможешь отдохнуть и пожить с нами, сколько захочешь.

Я не ответил.

— Мой дом — настоящий дворец по понятиям Нового Света, — сказал он с несколько насмешливой улыбкой. — Он очень